

РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. ТИММОМЪ.

№ 20.

10-го ЮЛЯ.

1852 года.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГОВАРДА ВЪ ХЕРСОНѢ.

Одно имя Говарда уже наполняетъ душу благоговѣніемъ къ его памяти, пробуждаетъ въ воспоминаніи рядъ высокихъ, свѣтлыхъ подвиговъ любви, которыми богата его жизнь, и краснорѣчиво рассказываетъ про геройскую борьбу съ собой, которую, естественно, вынесъ онъ прежде, нежели успѣлъ слить всѣ страсти, всѣ наслажденія жизни въ одну благородную жажду: *alios salvos facere, omnia propter alios*. Вся жизнь его—высокая драма!... Ему принадлежитъ одно изъ самыхъ почетныхъ, самыхъ завидныхъ мѣстъ въ исторіи человѣчества—быть скромнымъ другомъ его, и безкорыстно, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, оправдывать это всю жизнь. Какая высокая, какая благородная сфера нравственной дѣятельности! Онъ представляетъ примѣръ великодушной, самоотверженной готовности примирять съ жизнью все, что постигнуто нищетой, болѣзью, горемъ... Читать исторію подобныхъ людей, значить испытать чистую христіанскую радость, и вынести изъ книги зародышъ добраго подвига. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ еще полной біографіи Говарда.

Не принимаемъ на себя смѣлости пополнить этотъ недостатокъ; для этого нужно перо и краснорѣчивѣе, и опытнѣе; ограничиваемся сообщеніемъ мало или вовсе неизвѣстныхъ подробностей о жизни и смерти филантропа въ нашемъ городѣ, предпославъ одинъ краткій очеркъ жизни его до пріѣзда къ намъ. Джонъ Говардъ родился въ 1726 году въ Ловеръ-Клафонѣ, близъ Гакнея. Отецъ назначалъ его къ торговымъ занятіямъ, но слабое сложеніе не позволило осуществить сего: онъ посвятилъ себя изученію физики и медицины. Въ 1755 году ужасное землетрясеніе поразило жителей Лиссабона, и это несчастіе отозвалось въ чувствительномъ, благородномъ сердцѣ Говарда живымъ состраданіемъ: онъ отправился туда, чтобы подать руку помощи несчастнымъ. Французскій каперъ беретъ въ плѣнъ корабль, на которомъ онъ ѣдетъ, и Говардъ долгое время содержится въ Брейнѣ плѣннымъ. Это несчастное обстоятельство имѣло отрадное послѣдствіе для человѣчества: оно родило въ душѣ плѣнника великодушную мысль посвятить жизнь облегченію участи заключенныхъ. По возвращеніи въ Англію, его назначили шерифомъ Графства Бедфордскаго, и этимъ самымъ дана ему была

полная возможность осуществить свое прекрасное намѣреніе: онъ имѣлъ право посѣщать тюрьмы во всякое время. Мало того: чтобы вполне постигнуть всю важность своего призванія, онъ выпросилъ себѣ, какъ милостыни, мѣсячнаго тюремнаго заключенія. Просьба его была исполнена. Съ этого времени открывается свѣтлая цѣпь его филантропическихъ подвиговъ!... Его благородныя усилія доставили ему вскорѣ въ Англіи громкую извѣстность. Нижній Парламентъ требовалъ его мнѣній объ улучшеніяхъ въ тюрьмахъ, и Англія обязана ему многими благотѣльными учрежденіями. Укажемъ на одно важнѣйшее: онъ первый уничтожилъ заразу, которая до него часто опустошала тюрьмы. Но этимъ онъ не ограничилъ круга своей дѣятельности: онъ выполнялъ обязанности подданнаго, онъ желалъ съ тѣмъ же самоотверженіемъ исполнить обязанности друга человѣчества. Съ разрѣшенія своего правительства, онъ покинулъ родину. Съ 1775 по 1787 г., онъ совершилъ четыре путешествія въ Германію, пять въ Голландію, два въ Италію, въ Испанію же, Португалію, Турцію и въ сѣверную Европу—по одному путешествію; всюду его вело одно и то же благородное желаніе—утирать слезы несчастнымъ, посѣщая тюрьмы, отыскивая бѣдныхъ, больныхъ, подавая имъ содѣланные, врачебныя пособія, деньги, ходатайствуя за нихъ предъ начальствомъ: вотъ какова была его жизнь!... Черезъ каждые два, три года, онъ издавалъ отчеты о состояніи, въ которомъ находилъ тюрьмы. Восточная чума поражала народонаселеніе страшными опустошеніями, преимущественно въ Марсели, Ливорнѣ, Венеціи, Константинополѣ, и великодушный Говардъ посвятилъ себя изученію этой ужасной болѣзни, и отысканію средствъ къ уничтоженію ея. Онъ напечаталъ въ 1759 году трудъ: *О главнѣйшихъ карантинныхъ Европы и моровой извъ*. Этого мало: онъ отправился въ Египетъ, чрезъ Россію, чтобы на мѣстѣ изучить болѣзнь, посѣтилъ Москву, и наконецъ, въ Октябрѣ 1789 года, прибылъ въ Херсонъ, съ рекомендательными письмами къ Коммерціи Совѣтнику Альбрандту отъ Гг. Томсонъ, Ровандъ и товарищей, англійскаго торговаго дома въ Москвѣ. Къ чести Г. Альбрандта нужно замѣтить, что филантропу оказанъ былъ самый лестный приемъ, какому только могъ ожидать себѣ путешественникъ; онъ нанялъ для Говарда двухъ-этажный домъ, принадлежавшій долгое время почтовой конторѣ, а цынѣ перешедшій во вла-

дѣніе къ частному лицу (*). Городъ нашъ тогда только возни-

Домъ, въ которомъ Говардъ жилъ и умеръ въ Херсонѣ.

калъ; онъ едва насчитывалъ себѣ нѣсколько лѣтъ существованія; ясно, какъ далеки были отъ благоустройства его больницы, аптеки, тюремный замокъ, и проч.; понятно, какой недостатокъ терпѣлъ онъ въ опытныхъ, искусныхъ медикахъ. Съ другой стороны, камыши, растущіе на противоположной сторонѣ Днѣпра, а на этой—огромное пространство болотъ, невыносимый жаръ, доходившій до 32° по Реомюру, наконецъ недостатокъ растительности, все это подвергало здоровье жителей дѣйствию болѣзни. Въ Херсонѣ три мѣсяца сряду, Июнь, Июль и Августъ, свирѣпствовала жестокая, перемежающаяся лихорадка. При такихъ условіяхъ присутствіе Говарда было благодѣтельно для города болѣе, чѣмъ оно могло быть нѣсколько позже. Мудрая Императрица Екатерина повелѣла исполнять всѣ совѣты Говарда.

Говардъ и здѣсь оставался вѣренъ своему призванію. Посѣщать два, три раза въ день больницы и тюремный замокъ, помогать всѣмъ несчастнымъ совѣтомъ и дѣломъ, лечить на свой счетъ всѣхъ бѣдныхъ—вотъ былъ его образъ жизни въ Херсонѣ! Ни холодъ, ни ненастное время, ни обстоятельства ничто не могло удержать его отъ исполненія этихъ ежедневныхъ, добровольныхъ обязанностей. Одежда на немъ была всегда самая легкая; его встрѣчали всегда въ черномъ фракѣ, подбитомъ ватой, въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ. Пищу его составляли четыре чашки чаю: по двѣ утромъ и вечеромъ; двѣ чашки молока, небольшой круглый хлѣбъ и стаканъ ячменнаго отвара; — мяса не ѣлъ никогда, овощей очень много, но весьма рѣдко. При немъ былъ одинъ человѣкъ, котораго онъ считалъ болѣе другомъ, чѣмъ слугою. Говардъ имѣлъ привычку ежедневно посѣщать своего друга и соотечественника, Контръ-Адмирала Призмана. Одно обстоятельство, стоявшее ему жизни, заставило его въ первый разъ оставить на время свои занятія, и отлучиться изъ города.

Двоюродная сестра помѣщика Федора Комстадіуса, жившаго въ деревнѣ Садовой, въ семнадцати верстахъ отъ города, опасно заболѣла гнилою горячкою. Всѣ медики единодушно признали излеченіе ея невозможнымъ.

(*) Нынѣ этотъ домъ обращенъ во временную синагогу Караймовъ, противъ Губернской Гимназіи, на Суворовской Улицѣ.

Г. Комстадіусъ обратился къ великодушію Говарда; онъ отказывается: «Я посвятилъ всѣ свои знанія, все свое искусство, больнымъ неимущимъ!» Но просьбы, неотступныя убѣжденія родственниковъ поколебали наконецъ его рѣшимость: онъ отправился къ больной. Предписавъ лекарство, и поручивъ увѣдомить себя о перемѣнѣ болѣзни, онъ возвратился въ городъ.

Лекарство имѣло спасительный результатъ; къ несчастію, письмо о томъ дошло къ нему чрезъ два дня. Опасаясь за жизнь пациентки, онъ потребовалъ немедленно почтовыхъ лошадей. Ихъ нѣтъ! Онъ сѣлъ верхомъ на первую попавшуюся лошадь, и поскакалъ къ больной, но уже было поздно! Она была при послѣднемъ издыханіи, и умерла на его глазахъ...

Погода стояла сырая, холодная, а на Говардѣ было обычное легкое платье: онъ простудился и впалъ въ жестокую лихорадку, которая быстро усилилась.

Контръ-Адмиралъ Призманъ, привыкшій къ ежедневнымъ посѣщеніямъ Говарда, не видя его у себя уже нѣсколько дней, рѣшился самъ навѣстить его. Трудно представить, какъ былъ онъ пораженъ, найдя своего друга въ постелѣ, больнымъ, въ глубокой меланхоліи. Страдалецъ, въ разговорѣ, между прочимъ, замѣтилъ, что смерть уже близка, что онъ приготовилъ духовное завѣщаніе, просилъ Г. Призмана прочесть при его погребеніи молитвы его религіи на Англійскомъ Языкѣ, и уговорилъ купца Дофине позволить предать тѣло его на дачѣ, лежащей въ шести верстахъ отъ города, на любимомъ мѣстѣ его прогулокъ.

Здѣсь-то, на частыхъ своихъ прогулкахъ, бесѣдовалъ онъ съ друзьями, давая имъ совѣты, проникнутые глубокою мудростью, согрѣтые всегда искреннимъ желаніемъ блага юному городу.

Призманъ намѣревался дать разговору другой оборотъ, Говардъ остановилъ его: «Вамъ кажется печальнымъ нашъ разговоръ: мысль о смерти не имѣетъ для меня ничего страшнаго; я чувствую, что скоро умру, сегодня или завтра — все равно. Истлѣніе — жребій человѣка, законъ, которому всѣ равно повинуются...»

Проснувшись отъ долгой задумчивости, онъ просилъ похоронить тѣло его безъ всякаго блеска, безъ всякой роскоши: «Не хочу ни монументовъ, ни надписей; но я хотѣлъ бы, чтобъ на моей могилѣ были поставлены часы... Духовное завѣщаніе поручаю доставить въ Англию...»

(Продолженіе впереди.)

На рисунокѣ, приложенномъ къ № 20-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены виды города Дербента, рисованные съ натуры В. Тиммомъ, въ Сентябрѣ 1849 года: 1) общій видъ города, снятый изъ городского сада; 2) главная улица, ведущая въ крѣпость; 3) одни изъ городскихъ воротъ; 4) фонтанъ Ханъ-Булагъ; 5) Кирхляръ, татарское кладбище.

Сверхъ того въ текстѣ, къ статьѣ «Жизнь и смерть Говарда въ Херсонѣ»: Домъ, въ которомъ Говардъ жилъ и умеръ въ Херсонѣ.

Кирхляръ, татарское кладбище.

Виды городов
ДЕРБЕНТА
(Закавказскій Край).

Фонтанъ Ханъ-Булагъ.

Общій видъ города, снятый изъ городского сада.

Главная улица, ведущая въ крепость.

рисованные съ натуры
В.ТИММОМЪ,
въ Сентябръ 1849 года.

Одни изъ городскихъ воротъ.